

СЪВЕРНОЕ СІЯНІЕ

№ 4

СОДЕРЖАНІЕ • Забытые рассказы Антоши Чехонте — Н. Орловскаго. ■ На
разъѣздѣ — разск. Н. Тимковскаго. Къ морю-океану — А. Реми-
ва. Два предсказанія — Сельмы Лагерлёфъ. ■ Русскія лубочныя картинки — Л. Бѣльскаго. Ху-
жественныя выставки — В. В. ■ Изъ прошлаго: Жизнь русскаго офицера 30-хъ гг. по рис. гр.
П. де-Бальмена (1838 г.). ■ Землетрясеніе въ Южной Италиі — проф. Д. Анучина. Краснорѣчивыя
фры — проф. И. Озерова. Пьянство и борьба съ нимъ — д-ра Канеля. Дарвинъ (1809—1909) —
Сомова. ■ Наши современники: Императоръ Францъ-Іосифъ — Л. Гальберштадта. ■ Библиографія.
2 иллюстраціи въ текстѣ. Факсимиле лубочной картины: „Сказаніе о бѣлгородскомъ киселѣ“.

Цѣна отд. номера — 50 к., на станціяхъ ж. д. — 60 к.

Ангель

Хранитель

Звѣздной ночью неслышно по полетному облаку прилетѣлъ тихій Ангель.

— А куда дорога лежитъ? — взмолились мы Ангелу. — Третій день мы въ лѣсу, — истосковались: Лѣшій отвелъ намъ глаза — кругомъ обошелъ: то заведетъ насъ въ трущобу, то оставитъ плутать.

— Вы его землянику поѣли, вотъ онъ и шутитъ.

— Ангель-Хранитель, сохрани насъ! Ангель послушалъ, повелъ на дорогу. А тамъ, на прогалинѣ, гдѣ трава утолчена, у кряковистаго дуба Дѣдъ сивородый, выглянувъ, шарахнулся въ

Изъ книги «Къ Морю-Океану».

сторону, а за нимъ стреконуть звѣрь прыскачій.

Сошла бѣда съ рукъ.

Лѣсъ истяжный — ровный, безъ су-
чевь.

Много въ ночи по небу божьихъ
огней.

Корни ногъ не трудятъ. Ходовая тропа.
Путь намъ способный.

— Помнишь ты или не помнишь, —
сказалъ Ангелъ моей безугрозицѣ, — а
когда родилась ты, Богъ прорубилъ вонъ
то оконце на небѣ, черезъ это оконце
всякій часъ я слѣжу за тобой. А когда
ты умрешь, звѣзда упадетъ.

— А когда конецъ свѣта?

— Когда перестанетъ пѣть пѣтухъ-
будимирь.

— Золотой гребешокъ?..

— Съ золотымъ гребешкомъ.

— А правда, будто воронъ въ вели-
кій четвергъ купается въ рѣчкѣ и всѣ
его дѣти?

— Третьяго года купались — у воло-
сяного моста.

— Да, — а земля, — она тоже ходитъ?

— На желѣзныхъ гвоздяхъ.

— А я хотѣла бы быть мученицей...

* * *

Рѣже лѣсъ становился. Открывалась
поляна. Ночь уходила и звѣзды. Падала
роса на цвѣты, будя цвѣты. Разомкну-
лась заря.

— Миѣ пора, — сказалъ Ангелъ, —
насъ триста ангеловъ солнце вертятъ, а
ужъ заря.

И такъ же неслышно по быстролет-
ному облаку отлетѣлъ тихій Ангелъ.

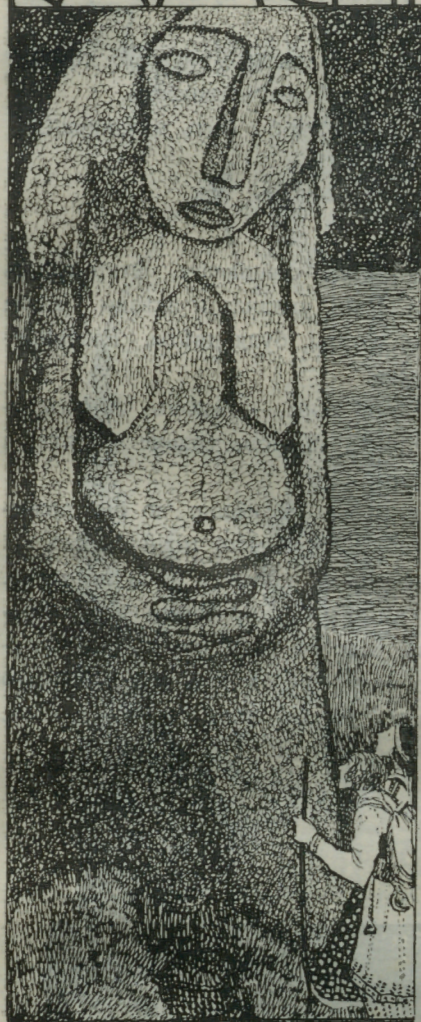
Разсыпались просомъ лучи по травѣ.

— Ангелъ Божій, Ангелъ нашъ Хра-
нитель, сохрани насъ, помилуй съ вече-
ра до полуночи, съ полуночи до блага-
свѣта, съ блага свѣта до конца вѣка.

КАМЕННАЯ БАБА.

⊗

И снова пошли мы въ путь.

Шли гремучимъ Днѣпромъ по половецкимъ дорогамъ — черной землей въ казакія вольныя степи.

* * *

Ушла зима съ морозами, съ трескучими...
Взошло солнце, согнало снѣги.

Пошла вода вольная, полноводная. Подмыла сучки, вѣтки, отросточки.

Весна пріѣхала.

Весна-красна въ аржаномъ колосѣ на сохѣ, на овсяномъ снопу, веселая, привезла ясные дни, частый дождь, зеленую траву.

Приударилъ дождь.

И раскинулись кусты, и разлились деревья, и вошли ручьи въ русла, зазеленѣли луга.

Пойте, птицы, и вечеромъ и утромъ, — всѣмъ веселье!

* * *

Мы качались на качеляхъ, мы омылись громовой водой, мы прыгали черезъ костеръ. Вѣтеръ, вода и огонь насъ сохранять.

Не сидится на мѣстѣ: манить лѣсъ, поле, степь.

Будь здоровъ, Копоуль Копоуловичъ ¹⁾, спасибо за зимній пріютъ; будемъ помнить по гробъ жизни твою ледяную горку, блины и вечера, когда рассказывалъ ты сказки.

— Пелешѣ-Велешѣ ²⁾ кланяйтесь, какъ попадете на Море-Океанъ, ей въ волнахъ видно, — прокурлыкалъ намъ на прощанье Копоуль Копоуловичъ: сѣдой котъ въ огородѣ копался — капусту да лукъ садилъ.

¹⁾ Копоуль Копоуловичъ -- свать Котофея Котофеича, Котофей Котофеичъ — котъ, который водилъ странниковъ посолонь. (См. кн. А. Ремизова „Посолонь“.) Прошлой весной отпустилъ ихъ котъ однихъ къ Морю-Океану. Цѣлое лѣто проходили странники, а Море-Океанъ не нашли; пришлось имъ зазимовать у Копоула Копоуловича въ Кошеевомъ царствѣ.

²⁾ Пелеша-Велеша — Артемида „Троянскихъ дѣяній“, олицетворявшая убивающую и возрождающую силу природы.

Отъ кургана къ кургану вела ковы-
левая степь шелковая, колыхалась вол-
ной. Ночью мѣсяць свѣтилъ, освѣщая
дорогу.

По небесному краю раскрывалось си-
нее море и, разлившись широкимъ-ши-
роко, улетало, какъ лебедь. Попадались
верблюды; угрюмо и молча верблюды за
верблюдомъ... И пробѣгали стада бѣ-
лыхъ овецъ, какъ снѣгъ пороша зеле-
ную степь.

Эту ночь не пойдемъ, будемъ тутъ у
кургана возлѣ той вонъ Каменной Бабы.

Вышли звѣзды, пустились по сине-
весеннему небу искать золотые ключи
отъ восхожей зари. Въ тихомъ снѣ при-
умолкла земля.

Баба смотритъ на насъ. Мы—на Бабу.

— Что ты, Баба?— что ты знаешь?

— Я баба не простая, я— Баба Ка-
менная, — провѣщалась Баба, — и стою
я въ вольной степи много вѣковъ. А у
Бога не было солнца на небѣ, жили
люди въ потемкахъ. Отъ камня свѣтъ
добывали, жгли лучинку. Богъ выпу-
стилъ изъ-за пазухи солнце. Далась всѣ
диву, смотреть и ума не приложить. А
пуще мы, бабы! Повыносили мы рѣше-
та, давай набирать свѣта, чтобы внести
въ ямы и тамъ посвѣтить. Ямы-то наши
земляныя безъ оконъ строились. Поды-

мемъ рѣшето къ солнцу, оно будто и
наберетъ свѣта полнымъ-полно, черезъ
край льется, а только что въ яму — и
нѣтъ ничего. А Божье солнце все выше
и выше подымается, ужъ припекать ста-
ло. Притомились мы, бабы, сильно, хоть
свѣта не добыли, а тутъ еще солнце
жжетъ, и вышло такое — начали мы
плевать на солнце. Богъ прогнѣвался и
превратилъ насъ, бабъ, въ камни.

Высокая шапка на Бабѣ закачалась, а
руки, сложенные на животѣ, поднялись
къ высохшей груди.

— Да вотъ тоже, непосѣды вы, все
бродите, знаю васъ, не впервой вижу:
съ Волхомъ-то Всеславьевичемъ ¹⁾ шли
тогда, помню... Въ Духовъ день земля
именинница, такъ не скачите въ этотъ
день, не кувыркайтесь, не стучите, а
вставайте рано да поцѣлуйте ее, мать
вѣщую землю. Да прошу васъ, живот-
ныхъ-скотовъ не обижайте, коней, оле-
ней кормите, поите, приглядите...

— Баба, Баба! — скажи намъ, когда
ты насъ видѣла, откуда пришли мы, гдѣ
лежитъ синее Море, мы дойдемъ до
Океана?

Но Баба больше ничего не сказала,
какъ мы ни приставали.

А по небу звѣзды все висли — искали
ключи.

¹⁾ Волхъ Всеславьевичъ, или Вольга Святославичъ, родился отъ княжны и змѣя Горынича; его богатырская слава основывается на хитрости-мудрости оборачиваться лютымъ звѣремъ, сѣрымъ волкомъ, яснымъ соколомъ, гнѣдымъ туромъ, шукой. Онъ совершаетъ походъ въ Индію богатую, въ Турецъ-землю. Встрѣчается съ великаномъ-пахаремъ Микулой Селяниновичемъ.

Тихо идемъ по послѣдней тропинкѣ...
Заторь¹⁾ за заторомъ встаетъ въ заповѣдномъ лѣсу.

Въ темную ночь намъ зорить²⁾ зарница. А далеко за осѣкомъ³⁾ зрѣютъ хлѣба.

Держимся крѣпко — рука съ рукой. Кто-то изъ насъ немножко боится. Страшно, глухо, заказано мѣсто. Зарочна

— Лѣсовикъ, Лѣсовикъ, на тебѣ ягодъ: ты — съ лѣса, мы — въ лѣсъ!

А завтра, когда забрежжитъ и, алѣя, дикая роза — нашъ другъ - поводырь — поидетъ, осыпаясь, прощаться, раннимъ-рано расколыхнется синее Море.

* * *

тропинка. Знамо: трудно, пройдя черезъ степь, черезъ поле, рѣчку, болото, выйти изъ темнаго лѣса.

Ватажится лѣшья лядь⁴⁾: не хочеть... такъ не отпустить.

А ягодъ, грибовъ кругомъ — обору нѣтъ. Полонъ кузовъ несемъ.

Лѣсовикъ не замаетъ. Онъ пріятель Водяному и Полевому. Старые намъ, какъ свои, — Лѣсовикъ насъ пропуститъ.

Тихо идемъ по послѣдней тропинкѣ...

Валежникъ и листья хрустятъ.

Вонъ и самъ Боли-бошка! — Почуялъ, подходитъ: набѣдигъ, рожонъ!

Весь измодѣлый⁵⁾, карла — востренькій носикъ, рукастый, а глаза, будто печальные, хитрые-хитрые.

Была-не-была, — чуръ, не поддаваться! Заведетъ этотъ Лѣшка въ зыбель-боло-то⁶⁾, гдѣ самъ чортъ ошупью ходитъ. И позабыть намъ про Море.

— Не видали ли, гдѣ я сумку потерялъ? — кли-

четъ Боли-бошка.

— Нѣтъ, не видали.

— Поищите! — просится Лѣшка и дожидаетъ.

— Что ты! — шепчу ей, — не знаешь?...

Не нагибай такъ головку: у этого Лѣшки отродясь никакой и не было сумки. Это — нарочно. Вотъ ты нагнешься, искавши, а онъ тутъ какъ тутъ, да на шею къ тебѣ, да петлей и стянетъ. И

1) Заторь — задержка въ пути. 2) Зорить — по народному повѣрью, зарница зорить хлѣбъ — ускоряетъ дозрѣваніе; зорить — сверкать. 3) За осѣкомъ — заосѣка — лѣсъ съ покосомъ за изгородью. 4) Лядь — лядѣть — изводиться; тѣ самые, кто изводитъ. 5) Измодѣлый — изможденный, хилый. 6) Зыбель-болото — зыбкое болотистое мѣсто.

позабыть намъ про Море. — Тѣсна, узка тропинка. Путаеъ папоротникъ. Вспыхиваетъ свѣти-цвѣтъ¹⁾.

— Хочешь, Боли-бошка, ватрушку?

— Поищите! — тянетъ свое Боли-бошка: то пропадаетъ, то встанетъ, ничѣмъ не расшухать²⁾.

* * *

Тихо ѣдемъ по послѣдней тропинкѣ... Заторъ за заторомъ встаетъ въ заповѣдномъ лѣсу.

Въ темную ночь намъ зоритъ зарница. А далеко за осѣкомъ зрѣютъ хлѣба.

Держимся крѣпко — рука съ рукой.

— А синее Море, — бьется сердечко, — не замерзаетъ?...

— Нѣтъ, никогда не замерзнетъ, не проволнуеъ волна: и лѣто и зиму шумить. Непокорное — его пскомъ не засылешь, не перегородишь. Необъятное —

глубину не извѣдаешь, слезой не наполнишь. Море бездонно, безкрайне — обкинуло вокругъ землю всю. Разыграется дикое — топить. А какія водятся рыбы! — какія по Морю летаютъ бѣлогрудыя птицы! — и береговъ не видать. А корабли одинъ за другимъ уплываютъ неизвѣстно куда...

— А мы поплывемъ?

— И мы поплывемъ. Морского царя увидимъ, Дракона увидимъ...

— А ежикъ, про котораго ты зимой сказывалъ, онъ насъ не съѣстъ? — и глаза-ненагляды синѣютъ, что море.

Скоро-скоро забрежжитъ. И поидеть, осыпаясь, прощаться дикая роза — нашъ другъ-поводыръ. Легкій вѣтеръ ужъ вѣетъ. Тамъ Моряна³⁾ волны колышетъ. И, ровно колоколо бьетъ, синее Море — непокорное, необъятное Море - Океанъ.

Алексѣй Ремизовъ.

¹⁾ Свѣти-цвѣтъ — народное названіе чудеснаго купальскаго цвѣтка папоротника. ²⁾ Расшухать — разогнать. ³⁾ Моряна — живетъ на морѣ, владѣетъ вѣтрами, топить корабли.